

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2020, 8(2): 160-184

DOI: 10.13187/ra.2020.2.160
www.ejournal16.com

Interview with Tamara Dmitrievna Ischenko about the Occupation of Rostov-on-Don, and Life in the Concentration Women's Camp Ravensbrück

Preparation for publication, introduction article and comments

Ekaterina A. Zakharina ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

An interview with Tamara Dmitrievna Ischenko is devoted to her biography before the war, during the war and post-war period. Before the war, she studied as a pharmacist at a medical college in Rostov-on-Don. At the beginning of the war the respondent was only fifteen years old. The girl witnessed the events of the first and second occupations of Rostov-on-Don, and helped the wounded in hospital. In her interview Tamara tells how she was taken to Germany for forced labour. The respondent tells the story of life in forced labour. After she and other girls sabotaged work in a factory, she was sent to the largest women's concentration camp in Ravensbrück. There Tamara Dmitrievna had to face all the horrors of the concentration camp. After her release, she was filtered and repatriated to her native Rostov-on-Don. An interview with T.D. Ischenko is a valuable source and evidence of the memory of the war, occupation and Nazi terror in Germany and Russia.

Keywords: T.D. Ischenko, Great Patriotic War, Ravensbrück, ostarbeiters, concentration camp prisoners, forced labour, memory studies, oral history.

Долгое время повседневная история узников концентрационных лагерей отходила на второй план, предпочтение в советской историографии Великой Отечественной войны традиционно отдавалось более героическим сюжетам, например, движению сопротивления в лагерях (Яковлев, 1961; Семиряга, 1962; Лемешук, 1969; Брицкий, 1977). Однако нельзя сказать, что данная тема вообще не раскрыта. Она начала разрабатываться почти сразу по окончании войны. К первым работам, посвященным теме лагерей, можно отнести книгу бывшего заключенного Бухенвальда О. Когана (Kogon, 1946). О различных сторонах лагерной жизни: голоде, работе, убийствах написал В. Зофски (Sofsky, 1993). Начиная с 1990-х гг. вышло немало обобщающих работ о концентрационных лагерях (Drobisch, Wieland, 1993; Конопатченков, 2010; Вахсман, 2015).

В советское время были опубликованы воспоминания бывших узниц Равенсбрюка (Они победили смерть, 1959). Об этом лагере в своих работах пишут как зарубежные (Morrison, 2000; Walz, 2005), так и отечественные авторы (Аристов, 2010, Аристов, 2012a; Аристов 2012b). Следует отдельно упомянуть брошюру, основанную на материалах

* Corresponding author

E-mail addresses: gorelowa.kat@yandex.ru (E.A. Zakharina)

одноименной выставки Мемориального комплекса Равенсбрюк «Военнопленные женщины-красноармейцы в концлагере: Советские военные медики в Равенсбрюке» (Бланк, Сааведра-Сантис, 2017).

Рассказы, воспоминания, интервью – это важные свидетельства, которые могут пролить свет на многие аспекты, не отраженные в официальных источниках. Сегодня историки все чаще обращают внимание на воспоминания детей – свидетелей трагических военных событий (Рыблова и др., 2015). Е.Ф. Кринко в своей статье обратился к исследованию памяти несовершеннолетних остовцев (Кринко, 2009). Изучению различных категорий несовершеннолетних жертв национал-социалистов посвящена статья Е.А. Фогель (Фогель, 2018).

В данной публикации представлены воспоминания ростовчанки Тамары Дмитриевны Ищенко, угнанной в 1943 г. в Германию и вскоре оказавшейся в концентрационном лагере для женщин Равенсбрюк. Эти воспоминания могут быть полезны для тех, кто занимается изучением немецких концентрационных лагерей и формированием исторической памяти, гендерными исследованиями, а также для историков-краеведов.

Автор воспоминаний Т.Д. Ищенко родилась 23 сентября 1926 г. в Ростове-на-Дону. Перед войной поступила в медицинский колледж, но ее обучение прервала нацистская оккупация. В возрасте 15 лет она пошла в госпиталь ухаживать за ранеными, помогала их эвакуировать, но не эвакуировалась сама. В своих воспоминаниях она описывает события, происходившие в Ростове-на-Дону во время первой и второй оккупаций. 5 сентября 1942 г. ей пришлось явиться с вещами на Биржу труда. В этот же день она вместе с сотнями ростовчан была отправлена на поезде в Германию. Интересно, что этот день стал особенным не только для автора воспоминаний. О нем по-разному написали сразу две газеты: оккупационная газета, орган управления бургомистра г. Ростова-на-Дону «Голос Ростова» 11 сентября 1942 г. и советская газета «Молот», печатный орган Ростовского обкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся, 14 марта 1943 г. (Захарина, 2020). Можно предположить, что это была одна из самых крупных партий угнанных остовцев из Ростова.

С октября 1942 г. по январь 1943 г. Тамара Дмитриевна была рабочей на фабрике «Вайсблехверк», г. Виссен. После того, как девушка саботировала работу на заводе, ее отправили в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк, там она пробыла с января 1943 г. по март 1945 г. Еще месяц, до 30 апреля 1945 г. Тамара Дмитриевна находилась в концентрационном лагере в городе Фельтен. В лагере ее также отправляли на принудительные работы. Во время «марша смерти» она смогла сбежать с другими девушками, и ее приютила у себя немка. По возвращению в Ростов-на-Дону Т.Д. Ищенко уже не вернулась в медицинский колледж, а устроилась на химический завод, в 1947 г. вышла замуж за военного. В 1970-х гг. вступила в Ростовскую ассоциацию бывших узников фашистских концентрационных лагерей.

Интервью с Тамарой Дмитриевной Ищенко проводилось автором вместе с д.и.н. Е.Ф. Кринко 30 октября 2020 г. в Ростове-на-Дону в квартире респондента. Продолжительность интервью составила 160 минут. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом (Е.Ф. – Евгений Федорович Кринко, Е.А. – Екатерина Александровна Захарина.) Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках.

Рис. 1. Тамара Дмитриевна Ищенко, 1932 г. р. Семейный архив Т.Д. Ищенко

Рис. 2. Тамара Дмитриевна и ее спасительница Фрида. ГДР, 1967 г. Семейный архив Т.Д. Ищенко

Е.Ф. Тамара Дмитриевна, расскажите, где Вы родились?

В Ростове-на-Дону.

Е.Ф. Вы коренная ростовчанка?

Да. Между [переулком] Покровским¹ и [проспектом] Богатыновским [спуском], на [улице] Лермонтовской.

Е.Ф. Это в...?

...1926 г. <...> Извозчика вызвали. Папа вызвал. Привезли меня на [проспект] Кировский в больницу, она раньше называлась Еврейской больницей. И там было родильное отделение. И вот меня туда, и я там и родилась.

Е.А. «Четверка»².

Вот так и я родилась там.

Е.Ф. И дальше школу в Ростове закончили?

Да, первый класс на [улице] Лермонтовской, на [переулке] Крепостном. Сейчас [там] стоит двухэтажное здание. Вы знаете, бывали в тех местах?

Е.Ф. Да, я живу рядом.

Видали, там, на углу [переулки] Крепостного и [улицы] Лермонтовской стоит школа. Вот я туда в первый класс пошла.

Е.Ф. Четвертая школа?

Правильно! Четвертая! Как приятно...

Е.Ф. Она одна из самых старых в Ростове...

Самая старая!

[19]30-е гг. Папа умер в [19]32 г. у меня, ему было 40 лет, [когда] он умер. Было пятеро дочек, я одна живая осталась, все умерли. И папа в 40 лет умер. А папа меня научил уже писать, и буквы, и считать, и все. Ну, они из семьи благородной такой, образованной. Все. Он уже все научил. Помню, он показывает мне карандашик, на резиночку завяжу, вот сюда. Он на работу ходит, а я вот так, сама иду, рисую, там пишу, он мне даст задания какие-то. Все буквы напишу.

¹ В настоящее время – улица Журавлева.

² Сегодня – городская больница № 4 г. Ростова-на-Дону.

Е.Ф. А где работал папа?

Он на Левом берегу [Дона]. Тогда какая-то контора, как она называется...

Е.А. Порт, зернохранилища?

Да, «Заготзерно»¹ и потом Парамоновские склады. И вот там где-то контора была. Отец там где-то работал. Он когда умер, мне было пять лет. Я знаю, что ходил на работу. А как же? И когда с работы идет на [проспекте] Кировском, мама говорит: «Вон, папа идет!» Обязательно кулек несет и пирожное. Голодный год, а он несет два пирожных.

Е.Ф. 1932 г.?

Да. А он несет два пирожных. И вот мой брат двоюродный, его отец родной брат моему отцу... Понимаете, два родных брата женились на двух родных сестрах. И фамилии у нас одинаковые – Мордовцевы. А Юра (Юра зовут его), он крестил мою Леночку – дочку. Так он сам уже это знает и помнит. И уже тоже – идет и несет Леночке пирожные. Я говорю: «Ты что?», а он: «Ну, как? Дядя Митя твой всегда так носил!» Ну вот умер папа, потом очень-очень тяжело было, очень. Очень голодные были.

Е.Ф. Мама не работала?

Нет, мама тогда не работала. Конечно, когда умер папа, ее друзья хорошие все сказали: «Зина, мы будем помогать Тамаре, тебе...» И взяли ее в «Ковш»² работать, в столовую, чтоб она там мне приносила покушать, и сама была сыта.

Е.Ф. Кем взяли ее? Поварихой или официанткой?

Нет, в столовую. Я не помню сейчас. Знаю, что мама приходит – мне приносит покушать всегда. Но я помню, когда мама приходит с работы и падает мертвым сном, спит, что-то там покушать, и спит, все. Уставшая была. Ну, она не работала. Они с такой семьи были, все у них там, знаете [не работали]. А тут вдруг – такие все несчастья навалились. Ну, она уставала, все, а потом ее взяли... Помните, на [проспекте] Кировском колбасный цех был?

Е.Ф. Нет, не помню.

На [проспекте] Кировском, перейдя [улицу] Пушкинскую с правой стороны, баня на левой стороне и милиция, а на правой сторон Колбасный цех был. Вот маму туда взяли, тоже вот, друг папин. И она научилась там, мастером-салорезкой была, на колбасу. И это первый раз колбаски тогда поела.

Е.А. А у Вас братья, сестры были?

Нет. У меня было 4 сестры, все умерли. Я одна осталась.

Е.А. А в каком возрасте?

Маленькие, маленькие, да. Слабенькие были, кормить нечем было.

Е.Ф. До войны еще?

Да, до войны, конечно, я в [19]26 г. родилась, а они до меня еще умерли <...>.

Е.Ф. А жили как? У Вас своя квартира была или дом?

Домик на [улице] Лермонтовской. Там же, ближе к Богатыновскому. Частный домик, с братом пополам, а во дворе [еще один] – кирпичный, большой. Тогда трудное время было, они после Гражданской войны, два брала вернулись, денег не было. Как говорится, за шапку сухарей продали кирпичный дом, а сами перешли в этот вот, в такой. Ну, оказывается, деньги были фальшивые. Говорят, можно было заявить тогда [в милицию]. Ну тут папа заболел, папа умер, некому было, ни похлопотать, ни возратить. Так вот и жили. Мама – спасибо, царство ей небесное, хорошо начала [работать], потом уже устроилась и одеваться начала, поправились и я, так что все соседи на Лермонтовской спрашивали: «Зина, ты чем свою дочку кормишь?» Я такая толстая была. Вот это время тяжелое, а я тебе хоть бы что <...>.

Е.Ф. Тамара Дмитриевна, когда война началась, сколько Вам лет было?

Мне было пятнадцать лет. Я была на втором курсе. Знаете, на [переулке] Университетском, на [улице] Пушкинской фармацевтический [колледж]³. Я там на втором курсе училища училась. Я отлично училась, надо же было деньги какие-то получать, Я на стипендию старалась, из шкуры вон лезла.

¹ Всесоюзное объединение по заготовке и сбыту зерновых, бобовых, крупяных, масличных и фуражных культур.

² Ростовский портовый элеватор «Ковш»

³ Сегодня – Ростовский базовый медицинский колледж. Основан в 1908 г.

Е.А. У Вас был фармацевтический или медицинский профиль?

Я [поступила на] фармацевтический. У меня дед по маме провизор был, [известный] на всю округу – станица Шумилинская, Вешенская. У него линейка своя, дом шикарный, большой, деревянный, огород такой, аптека, из трав только все.

Е.А. И Вы посмотрели и захотели стать фармацевтом.

Да, да. И я говорю: «Я буду, как дедушка». Вот я как взяла это в голову и все, а тут последнее время перед [войной] очень тяжело было. И уже война шла с Польшей... И я-то слышу, [что] люди говорят, и я думаю: нет, надо где-то учиться. Даже мама не знала, я забрала документы с 8 класса и пошла на [улицу] Пушкинскую. Пришла, сдала [документы] и все. Они посмотрели аттестат – все хорошо. Тогда как? 7 классов – уже аттестат выдавали. И я так любила [учиться]! 7 видов химии учила. Как я любила латынь! На всю жизнь запомнила, как у нас Эмиль Карлович Лазаретов был, преподавал нам латынь. И вот, когда экзамены сдавали, одна [одногогруппница] забыла, как нужно спрягать этот твердый корень ипекакуаны, травы, а она забыла. А я любительница, мне, между прочим, иногда, снижали за это оценки, подсказывать. Я думала-думала, ну что же мне это [сделать, как подсказать]. И говорю: «Вот дура, забыла, не знает как!» И она такая: «Ой, дурум, радикс, ипекакуаны...» Эмиль Карлович: «Мордовцева, снижаю тебе оценку!» Я: «Нет, нет, мне надо стипендию! Я одна у мамы, мне надо стипендию!»

Е.А. Так Вы потом тоже работали фармацевтом?

А потом война, когда началась, нас первый раз никуда не послали, а второй раз в госпиталь [направили] помогать.

Е.Ф. А где госпиталь был?

На [улице] Пушкинской, в 23-й школе. [Переулок] Покровский, [улица] Пушкинская, 23-я школа, там был госпиталь. Я туда [пошла] с подружкой с [улицы] Лермонтовской – Надя Бурсиловская. Мы пришли туда в госпиталь со студенческими [билетами], как же. Я там дежурила ночами и писала письма, и все, что нужно было, что заставляла главврач. Тем более хорошо же знала язык-то этот, латынь. И он мне по-латыни говорит: «Принеси то-то, то-то». Я это понимала, все ему подносила.

Е.Ф. Это было какое время?

Это была война, [19]41 год.

Е.Ф. То есть, осенью уже пришли в госпиталь или зимой?

Нет. Я пришла летом, это уже со второй оккупации. И вот там мне задания давали, чтоб я над одним... Не знаю, кто это такой. Привезли его, но он неизвестно кто, что, а главврач сказала, что дежурь всю ночь, пока он придет в себя, ты должна узнать фамилию и имя. Я всю ночь просидела, дежурила. А он без сознания был. Вот у меня было такое задание. Я сидела все время над ним. Читаю там, конечно, но сама же тут, рядышком. А потом смотрю – раз, передо мной прям белое, вот так вот простынь, я аж испугалась! А он встал, в белье в одном и смотрит на меня: «Я где? – В Ростове. Как Вас зовут? – Филипп. – А фамилия? – Луковин». И потерял сознание, и все. И у меня мороз по коже. А может, Муковин? Потом эвакуация началась, потом раненных отвозили, и как нас там прихватили на 29-й [линии]. Ужас какой-то!

Е.А. А первая оккупация, как она прошла?

А первая оккупация – ничего, дома сидели. Мать меня на улицу не пускала. Немцы, знаете, втихомолку как убивали? Уводили людей, и все. Мать меня не выпускала, я сидела под замком, и она со мной вместе. А второй раз я уже пошла сама. Не боялась уже немцев. А в первый раз у нас убили немца на [улице] Филимоновской. На углу [улицы] Филимоновской и [переулка] Покровского¹, офицера [убили]. А у нас на [улице] Лермонтовской, у нас, так значит: цыганский двор у нас, еврейский двор и еще татарский – на углу, все знали. Это у нас три двора, все друг друга знали. И кто-то из них, говорят, Вовка-цыган, этого офицера убил, сапоги с него снял. Это после рассказали. И, говорят, вот так прячешься, нас берут в залог. Ну, окружили, чтобы искать, кто убил. Все в рассыпную, а я, недолго думая, я ничего маме никогда не говорила. Что жаловаться кому-то? Я через забор на [улицу] Суворовскую полезла.

¹ В настоящее время – пер. Журавлева.

Забор на [улице] Лермонтовской окружает и [улицу] Филимоновскую, а я туда перелезла и живот гвоздем распорала.

Е.А. А как Вы вообще узнали, что война началась? Где Вы были?

До войны я ходила [переулок] Крепостной, в сад Первомайский [ведет], напротив – техникум физкультуры и спорта. Я там занималась акробатикой. Вот мы туда ходили. Потом театр Максима Горького – у нас там художественный руководитель был [В.И.] Щелоков, артист. Вот туда еще в кружок ходила. Вот как новый год наступает, хочется где-то выступить, чтобы конфетку где-то дали, вот я иду выступать на завод «Эмальпосуды», там же клуб был <...>. Очень тяжело было. Помню, мама даст 5 коп., уходит на работу. Пойдешь к Борису, тогда частная лавочка была, у нас на [проспекте] Кировском, пирожки продавали хорошие там: «Вот тебе 5 коп., и купишь себе пирожок». И мама до самой темноты уходит. Я двери закрываю на задвижку, [за]темно приходит уже. Вот, я пошла к Борису, как всегда, [даю] 5 коп., прихожу, он сюда мне пирожок. А голод-то какой, [19]33 г. Я этот пирожок прижала к себе, иду домой. Тут пять дворов пройти [осталось] и дом уже. Вдруг, навстречу мне идет мужчина огромный, я на всю жизнь [запомнила]. В черном пальто, но не какой-нибудь там нищий, нет, такой прям вот благородный, красивый. Идет и прямо на меня, а я только пирожок взяла. Иду, не знаю, что делать, испугалась его, взяла и откусила. А он, как увидал, а у меня капуста с пирожка упала, он как подошел, выхватил мой пирожок и как начал его, прям проглотил. Я стояла и все, так без пирожка и осталась. А он настолько был голодный, что у дитя отнял.

Е.А. Это [19]30-е гг.?

[19]33 г., голодный год. Когда мама стала в колбасном цехе работать, там сотрудникам продавали по 50 коп. косточки, остатки сала, там еще что-то, а в праздник сосисочки даже <...>.

Ну, мы с Лидой, значит, занимались, ходили по кружкам везде, мы очень дружили, она мне сына крестила. И утро у нас началось так: у меня тут дом, а у Лиды – рядом кирпичный большой дом, тогда забирали у богачей дома. Дора Васильевна Шлепа – врач была, она богатая была, вот она сдала весь этот дом куме, она кума была ее родителям. Мы с ней подружились. У нас и радио не было, а у нее было, они хорошо жили. И вот, я каждое утро к ней туда подхожу, слушаю последние известия, музыку. И вот однажды прихожу утром к ней, все, а она говорит: «Пойдем, посидим на улице». У них палисадник был. Сели с ней, сидим, а потом Настенька, ее мама, или кто-то говорит: «Вы радио слушаете? – Слушаем, а что?» [В.М.] Молотов¹ начал выступать, что началась война. Что такое? Мы же ничего не понимаем все, а моя мама тоже бежит с дома, меня ищет. Да я ж говорю: «Мама, мы у Лиды тут». Все, война началась. А наша мама [столько] пережила, она 1900 г. рождения. Она и революцию и Гражданскую [войну], все пережила. Все поиспугались, а нам ничего. Ничего, молчим и сидим, что родители скажут. Потом бомбить как начали Ростов...

Е.Ф. Летом бомбили?

Ой, в июле бомбили Ростов. По 500 самолетов налетало на Ростов. А потом, когда затишье стали – эта маскировка, чтоб света нигде не было, ничего. Ну, молодость, есть молодость. Нет, нет, и выходим на [улицу] Энгельса², вышли и пошли до городского сада, это ж наше знаменитое место – городской сад³. Там клен стоит, он до сих пор стоит, мы вокруг него танцевали, потом в саду баянист играл на гармошке. Мы только платили 20 коп. за вход, а так везде бесплатно мы ходили. Ну, в общем шли, это второй раз, бомбить начали, мама тоже не стала меня пускать даже, но потом, однажды выпросились. А в этот день меня мать не пустила: «Не пуцу и все!». А в этот день из пулемета расстреляли всех, кто был в Горсаду. Все погибли, и привезли всех в Нахичевань в [Ростовский мед]институт наш⁴, и все матери побежали. Искали, кто жив, кто нет, а мать говорит: «Вот видишь, я тебя не пустила». Я на всю жизнь запомнила, никогда без разрешения уже не ходила.

¹ Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890–1986) – российский революционер, советский политический, государственный и партийный деятель. Министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 гг. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

² В настоящее время улица Большая Садовая.

³ Парк Революции в Ростове-на-Дону.

⁴ В наши дни – Ростовский государственный медицинский университет.

Не, я ходила одна без разрешения. Сахара же не было, ничего не было, а на 29-й [линии]¹ бочки с патокой стояли. Не только я, люди ходили, братъ, кушать-то надо, сладкого хотелось. Пошли с бидончиками туда, а там как начали бомбить, как начали немцы обстреливать, на 29-й линии. И я с этим бидончиком поднимаюсь, смотрю, передо мной женщина лежит, а ее убили, старая женщина. Боже мой! Я на животе поползла, обратно, еле-еле приползла. Не шла, а ползла уже. Это без разрешения, ну я получила за это. Мать мне нашлепала как следует. Она же беспокоится за меня.

А потом, когда в госпитале работала, нас начали [привлекать], чтоб мы эвакуироваться помогали. Уже начали подходить немцы. И начали выносить этих раненых, туда, к Дону. Выносили, кто на повозке, тогда же повозки эти были, кто-то так – к себе прижмешь и несешь, ведешь – сама с ним идешь, и он с тобой идет, как вот меня сейчас.

Е.А. То есть Вы помогли раненым?

Да, да. И в госпитале мы начали эвакуировать, погрузили все-таки всех, все хорошо. Вернулись обратно, а там уже никого нет. Говорят, потопили баржу эту с вашими ранеными, утопили немцы бомбежкой. Мы спасали их, а они все погибли, бедненькие. Все молодые, да такие хорошие <...>.

Потом начали ходить к нам <...> квартальные. Они же были к улице своей приставлены <...>. Стали нас регистрировать: кто где работает. Начали регистрацию проводить, но мы, конечно, все время говорим: «Вот, мама ушла, вот она сейчас на работе» А где там мама? Мама нигде не работала при немцах. Голодные. Ходили на вокзал, где выбрасывали уголь с паровоза, собирали уголь. Это что, не работа? Не работа, для себя собирали уголь. Мебель дома была какая, все сожгли, сожгли и все <...>. Одна кровать стояла и перины, перины тогда были, матрасы. И все, больше ничего, тумбочка только. Мама говорит, это мне память <...>. Денег там не хватало, потом мама в [19]38 г. замуж вышла. Василий Петрович Меркулов, да. Вышла замуж за него, а мне что? Что он был, что не был, я все равно только маму признавала <...>.

Е.Ф. Вы не эвакуировались?

Нет, первый раз мама нас к отчиму отвезла в Кундрюченскую². Отчим служил там в зенитке. И он говорит: «Зина, пришли мне сюда Тамару, тут более-менее тихо». На [реку] Кундючку³, ой хорошее место какое чудесное – Кундрюченский. А я с собой свою будущую куму прихватила, Лиду, опять-таки. Мы поехали туда, в Кундрюченский и там были, да. И там помню, муку там что-то давали, галушки все время делали, рыбу там солдаты ловили, приносили. И вот так вот мы жили, а потом уже все закончилось, еды нет, ни у кого ничего нет, ни у кого денег нет, все по домам опять пошли.

Е.Ф. Это зимой было или когда?

Нет, это было летом. И пошли все домой. Но мне пришлось хуже всех расходиться по домам, потому что первый раз, когда Ростов оккупировали... Вы [улицу] Лермонтовскую хорошо знаете? Там был завод «Меланж», птичья фабрика. Там был директор фабрики немец Груваль. Но он русский, как говорится, немец. Когда начали немецкие войска подходить, он, значит, вышел на улицу, говорит: «Забирайте все, скоро немцы придут, забирайте все отсюда, что есть!». И куры, и гуси уже убитые, расфасованные. «Забирайте все! И «Меланж» этот забирайте! Все забирайте! Сейчас немцы придут». И он встал, с такой гордостью: «Забирайте, голодающие!». Так вызывая себе вел, что все пошли ребята там наши эти на углу, татары и евреи и все вот эти вот. Говорят: «Да что он из себя так представляет?». И вот кто-то на него что-то сказал, и он выстрелил. Попал в Игоря у нас во дворе на [улице] Лермонтовской Игорь, Глеб, Лариса все жили – семья <...>. Он на заводе «Ростсельмаш» работал и тоже за этими курами: «Пошли!». И я ж тоже ходила, думаю, хоть что-то надо взять-то там, а как же.

¹ В городе Нахичевани-на-Дону (с 1928 г. – в составе Ростова-на-Дону) улицы назывались линиями, как в Санкт-Петербурге.

² В настоящее время станица Нижнекундрюченская Усть-Донецкого района Ростовской области.

³ Река в Ростовской области России и Луганской области Украины, правый приток реки Северский Донец.

Е.А. Взяли?

Ну а как же? Целый ящик этих кур. Ну ничего, голодные все были. И тут, главное, напротив дома твоего, что ж тут не взять? И вот он выстрелил и Игорю в ногу попал, и Игорь хромать начал, помню, перевязали его все. В общем, когда пришли наши войска – заявили на него, на этого [директора].

И я шла с Кундрючки, меня вызвали, повестку прислали... <...> Вызвали меня. А никакого транспорта, ничего не было, и я 40 километров шла пешком.

Е.А. Вы поэтом и вернулись из Кундрючки в Ростов?

Да-да. Но все равно, все в Кундрючке уже заканчивалось, и Лида за мной потом [собиралась], там войсковая часть уже выезжала и ее, вроде, подвезли. А мне сказали, что в срок [нужно явиться], что я свидетельница и видела, как он стрелял. И там еще на [улице] Лермонтовской взяли несколько человек, которые видели. Ну все, и пришла, дошла до станицы Раздорской, опустила ноги, опухли, опустила их в воду, в Дон. И ко мне подходили: «Ты куда? – Да я в Ростов». Некому подвести было, ничего, и я пошла опять пешком, ну и пришла. В общем, его расстреляли, этого директора <...>.

А еще что помню хорошо: соли же нет. Рыбы в Ростове полно стало на Дону, потому много погибало людей. Рыба жирная, хорошая, раки хорошие, а соли нету. А у нас мясокомбинат. Я думаю, надо за солью туда сходить. Ну и пошли мы. Вера вперед меня прошла, она немножко взяла. А мне ж нужно еще крестным, маме, бабушке Наташе, всем, говорю: «Я сама пойду». Взяла ведерочко, и пошла, вроде как по воду, а сама туда – на мясокомбинат. Иду, тогда немцы везде, стояли, охраняли. Когда я туда с пустыми ведрами шла – ничего. Пришла, а там гора соли. Я скорей насыпала, одно ведерочко, другое ведерочко, накрыла, косыночку повязала. Иду обратно, он: “Halt!” . Все, я встала. Спрашивает: “Was trägst du?” (Что ты несешь?) Я говорю: “Salz” (Соль). А он говорит: «Покажи!» Я говорю: «Ну это соль». А он из ведра все на улицу высыпал, потом собирала оттуда, домой принесла, и там дома мы ее просеивали. И он посмотрел, может, у меня там пистолет, а может, у меня там граната какая-то [спрятаны], все вот высыпал.

Е.А. Вы немецкий язык знали?

Я – хорошо. Я не то, что хвалюсь, у меня, наверное, по наследству. У меня и дочка английский преподает <...>. И у моего отца была гувернантка-немка, моего отца воспитывала. И его «герр Мордовцев» называли еще в [19]30-е гг.

Е.А. Отец Вас научил немецкому?

Нет, я сама почему-то, вот даже не знаю, почему. Когда в школе начала учиться, мне очень понравилось <...>. И у меня два учебника по немецкому, когда соскучусь – посмотрю, почитаю.

Ну, в общем, ладно, как бы это тяжело не было – выпуталась. Потом эти квартальные всех зарегистрировали. Мы ходили, отмечались там все. Работать мы, конечно, нигде не собирались там. И вот говорят: «Надо всем зарегистрироваться, всем на биржу, иначе родителей заберем, заберем твою мать». И мы говорим: «Да не, мы сами идем!» Двоюродный брат мой Юрка тоже [был]. Мы все зарегистрировались, проверялись там, ходили. Потом, один день, это уже в сентябре дело было: «Приходите на биржу труда».

Е.А. Это Вы в газете читали или объявление было?

Ой, они везде тут вешали, и объявления, да, да.

Е.А. А газеты не видели?

Да может и видела, но мне уже не до этого. Уже боялась, чтобы мать у меня не схватили, а оно все равно пришлось в концлагерь [отправиться]. Она даже и не знала, что я в концлагере была. Она меня увидела и упала в обморок.

Е.Ф. Когда вернулись?

Да. И пошли мы. Говорят: «Давайте, собирайтесь». Проверили уже все. Смотрим, а там солдаты взялись. Не так, чтобы как фашисты шли, а такие обыкновенные немецкие солдаты. Там ведь разные были. Там и итальянцы были, и кого только не было. В общем, они говорят: «Выходите». С биржи.

Е.А. А биржа где была?

На [улице] Соколова и на [улице] Садовой, напротив музея недалеко, исторический музей, краеведческий¹. Мы все вышли. А они: «Становитесь». Много вышло народу, все пришли, те, кого проверяли, кого записали. Мы все вышли, там встали, всех нас в колонну. Стали мы в колонну. Думали, что он нас всех будет стрелять, потому что перед этим у нас забрали с [улицы] Лермонтовской, у нас была еврейская семья, две было еврейские семьи. Одну мы семью, что говорится, спасли, не выдали никого. И до сих пор она жива, эта Лилия. Вот ее муж умер недавно. Они нам очень благодарны. И мы вместе дружили. А вторая семья – Плужникова, на [улице] Лермонтовской. Муж ее на фронте был, а она с дитем. Объявление повесили: «Забирайте свои вещи, золотые, самые лучшие вещи, сейчас придем машины, и вас повезут». Ну, мы ж еще не знали, куда. Еще не знали, что это душегубка². Но почему-то все взрослые говорили: «Не надо, Валя, ну, не нужно. Ну хочешь ты – поезжай ты одна, раз тебе немцы... А зачем ты дитя берешь? – Не, нас, сказали, в Прибалтику отправят, еще там куда-то». В общем, пообещали ей. А они как поехали, а после этой Змиевской балки³ даже уже мертвых привезли в удушие этом, и всех расстреляли. Все. И мы боялись. Вот, думаю, наверное, в нас выстрелят или поведут [на расстрел]. Ну не так, чтобы как в лагере, например, а просто вот так вот – колонна там большая, туда-сюда, все, кто регистрировался. Пошли по Энгельса мы. Идем все, по бокам идут военные, нас никто не трогал. Куда – до вокзала. И вот Витя Гусев, ростовский у нас тоже, он на 6-й [линии] жил. И Витька Гусев говорит: «Тамара, а ты слышала? – Что? – А ребята там сказали, вы не бойтесь – мост взорвет, эшелон ваш не пройдет». Мы только на это и понадеялись. Думаю: «Ну, пускай, плевать». Мы шли, а нас погрузили в эти вагоны.

Е.Ф. А какие вагоны были, расскажите?

Ну, <...> скотину что возили.

Е.А. Это какое время года – сентябрь?

Сентябрь, сентябрь, да, хороший месяц был.

Е.А. А дату точную не помните?

Нет, как же не помню! 5 сентября.

Е.А. 5 сентября 1942 г.?

Да, да. 5 [сентября 19]42 г. И мы пошли, и Витька этот Гусев <...>, одноклассник мой. И говорит: «Вы слышали, ребята в банке⁴, сказали, чтобы мы не боялись, мост взорвут, под него там подложили [взрывчатку]. В общем, не бойтесь, эшелон ваш не пройдет!». Ну, мы и пускай, ладно. И брат же мой с ребятами в следующем вагоне. Ну, вот и повезли нас. Вроде, сначала ничего, на соломе там все. Слышим: тук-тук, тук-тук. И что-то долго идет и что-то не пойму. А у нас старшие были, среди нас девушки. Вот Тоня была, царство ей небесное, тоже умерла. Безроднова Лиза. «Что-то нас везут не туда. Да мы проехали уже мост!» Мы проехали, а он после этого только взорвался.

Е.Ф. Взорвался все-таки?

Все-таки взорвался, но поздно. Все, нас повезли. Ничего – такое окошечко там в этом вагоне. Что там? Господи, ничего. Брат-то мой двоюродный, после уже как выяснилось, он выложил две доски, когда вагон стоял, и лег на рельсы там, когда [поезд] стоял.

Е.А. Спрятался?

Вагон уехал, а он живой встал.

Е.Ф. Он в Ростове так сделал?

Да, когда нас здесь везли. И убежал на Украину, в Дзержинск⁵, и устроился на сахарный завод.

¹ Ростовский областной музей краеведения.

² Газовый автомобиль, при помощи которого нацисты умертвляли людей.

³ Змиевская балка – место, где было уничтожено около 27 тыс. человек, значительную часть которых составили ростовские и эвакуированные евреи.

⁴ Речь идет о здании банка на улице Садовой, где вероятно, располагалась Биржа труда.

⁵ С 2016 г. – Торецк, город районного значения в Донецкой области.

Е.А. А где Ваша мама была, когда Вы пошли на биржу?

Мама в таком состоянии была, что вообще ничего и не знает, и не помнит. И после, даже, когда я вернулась, она меня не узнала, и вообще: «Кто ты такая?».

Е.А. А что случилось, почему она так себя вела?

Не, она не теряла разум. Она просто в страшной депрессии была. Просто ужас какой-то. Ее сестра родная Юрина мать, крестная моя, говорит: «Я ее поддерживала».

Е.А. А сколько ей тогда лет было?

Маме было, когда война началась, 40 лет. Ну, когда меня [забрали], 42 уже. А когда я вернулась, она просто старуха уже прямо была (Вздыхает).

Е.Ф. Тамара Дмитриевна, в дороге кормили Вас?

Да что Вы, кормили! Останавливается [поезд] за Таганрогом, сказали: «Девчата, Таганрог!» Выходят там жители: «Девочки, нате вам хлебушка кусочек». Кто то, кто чего, кто кипятка принесет. Извините, в туалет только выводили, где уже станции. Охранники выходили и нас на станции только выпускали, туда сходить чтобы. Голодные ехали, никто почти не ходил.

Е.А. А сколько в вагоне было людей всего?

Ой, я не знаю, душно было. Все лежали, кто на соломе, кто так. Для меня это вообще... И для меня есть такие моменты в концлагере, когда вот я на нарах там лежала, после, когда пытаешься вспомнить, а как же я могла это пережить? И не могла вспомнить, как же я это могла пережить. Вот не могу и все. Ну не может этого быть! А я же пережила. При мне же эту девочку поднимали и выводили, в концлагере собаку на нее травили. Нас же в три ночи поднимали, в два ночи, проверять, как будто мы убежим. Куда там мы могли убежать? «Aufstehen!» . Мы встаем и все, и проверят, и каждый раз считают. А вот была девочка, заснула. А ну-ка, пока доберешься на четвертую-то полку, только голову примкнешь, кричат: «Aufstehen!» . Оять. Она бедненькая заснула, а там начали полицаики, женщины у нас были, начали считать – а не хватает. И пошли по бараку искать. Нашли ее, а мы все стоим, ровно. Ее выводят, она такая сонненькая... Ну, издевались, ну что там говорить! Выходит, такая бедненькая... И это тоже, никогда не забуду [надсмотрщицу], такая зараза! Хорошо, ее потом повесили в концлагере у нас, наши войска. И она собаку напускает на нее, чтоб она еехватила, а собака ее не берет. Она снимает намордник с собаки и опять пускает, и собака ее опять не кусает. Так собака сдохла на третий день, а нас потом заставляли клумбочку там, цветочки сажать. Собака не стала девушку убивать! Вы представляете?

Е.Ф. Она была немкой? Или тоже советская?

Нет, это все немки. Знаете какие немки – настоящие фашистки. У нас была одна в этом [в концлагере]. Даже ее портрет вывешен, когда вот в Германию я ездила, [видела]. Отец и мать – образованнейшие люди, умные. Мать – главврач, отец еще там кто-то тоже. А дочка – такая была фашистка, так она была. Вот построят строем, вот, идут по строю и смотрят каждому в глаза, не помутнели, что заболела ли как там. Или просто, ей кто-то не понравился – она берет, прям как даст! И кровь из носа идет. Стоишь рядом, молчишь, иначе и ты получишь.

Е.А. А вы не помните, как ее звали?

Кого били – Галя Рябинская.

Е.А. Нет, а кто бил?

Фрау Aufseher¹. Aufseher – надсмотрщики. Тогда я помнила всех. Все имена знали. Мы даже между собой клички им давали, узицы. Сейчас я уже не помню.

Е.А. Это Вы уже рассказываете о событиях в Равенсбрюке?

<...> Да. И вот как вот вдарит – кровь из носа. Галя Рябинская. Она все время так читала стихотворения, так красиво. Нас запирали, запирали на ночь, все. И она такие стихи читала, так, она артистка: «Я буду артисткой!» А мы там уже все на ладан дышим, а она говорит: «Я буду артисткой!». Она стала ведь артисткой.

¹ Надсмотрщики – так называли лагерное начальство разного уровня, в том числе и немко-надзирательниц.

Е.А. Давайте последовательно: вот Вас посадили в поезд...

Поезд, приехали мы в Вупперталь¹. Первая остановка была Вупперталь. Вот, в Вуппертале там капустой пахло, нам так понравилось. Мы говорим, наверное, нас кормить будут. А мы голодные уже, едем сколько. Голодные – вообще, что нам давали на остановке!

Е.А. В Таганроге, да?

Таганрог и там еще, по пути, по Украине, там нам кое-что выносили, что-то там нас уговаривали по-украински: «Нате вам, то-то, то». Кусочки собирали. А тут капустой пахнет, нас кормить будут, наверное, пироги или что-то. Ну, дураки, ну что мы понимали? Оказывается, ничего подобного, это перед нами были военнопленные. Вот это их там брюквой и капустой накормили и повезли их в концлагерь мужской, в Заксенхаузен² <...>.

Е.Ф. А Вас сначала не в Равенсбрюк привезли? А куда?

Не в Равенсбрюк, в тюрьмы. Последняя тюрьма была в Александр-плац³, в Берлине. Это меньше, чем моя комната, вот так вот к друг другу стояли, вот так вот – лицом к лицу. Это пересыльная тюрьма – кто выживет, того дальше везли, кто не выживет – того все, выбрасывай. И вот так вот стояли, а тут трубы проходили, и капала вода все время. Капает, капает. Капли капаят. Вот так вот. Это последний год. А до этого была тюрьма у меня Веймар⁴, Кобленц⁵. В Кобленце мы бежать собрались. Так бомбили хорошо союзники – мы собрались бежать. А нас послали одеяла вытрясывать с тюрьмы. Мы вытрясываем, а тут летят, а мы машем рукой, думаем, может наши. Мы ж не знали, что это. Машем рукой, а они везде там бомбили, а сюда, в тюрьму не попали.

Е.А. Вас же хотели на работы отправить?

Нас там держали, просто держали и все.

Е.Ф. Вас куда сначала привезли?

В Вупперталь, а потом в Вуппертале приехал хозяин какой-то, начал смотреть всех, выстроили нас, и все смотрят-смотрят, там кто, кого назовут, кого туда, кого работать у хозяина, кого еще. Я вообще молчала, не понимала и не знала, что происходит вообще. Подходит вот он на меня: «Ду-ду». Моего крестного родная сестра была со мной, тоже меня все время держалась, Нина. Не знаю, умерла, нет. И: «Ду-ду-ду». Тех забрали хозяева, туда все. И меня, значит, к хозяевам, вроде так все. А Нина схватила меня так, говорит: «Нет, мы вдвоем». А они – на завод. Нина за меня держалась, двоих не нужно хозяину, а на завод – пожалуйста. Все, нас довели до Кельна. В Кельне я была в тюрьме <...>. Потом в Кобленце. Да, в Кобленце нас заставили работать, значит лицевать <...> пилотки военные, немецкие. Уже у них тоже дела плохо шли, пилотки уже лицевать некому. Нас заставили там лицевать. И в этой тюрьме со мной француженка была, бельгийка. И мы втроем все портили, все пилотки. Бритвочку нам давали, чтобы мы надсекали, выпарывали. А мы, все, что нам дали, такую гору, все перерезали, все отдали.

Е.А. Вас поймали на этом?

Не, не! Если меня не поймали, когда я вытащила такую запчасть на заводе, что завод стоял, не работал, где выпускали снаряды! Да это разве можно такое допустить? Вы что?

Е.Ф. А как удалось вам это сделать, расскажите?

А никак, я придурилась, и все.

Е.Ф. Вы же были на другом заводе с пилотками.

А это в тюрьме нас заставляли работать. Я в четырех тюрьмах была.

Е.Ф. Можно по порядку, Тамара Дмитриевна?

Значит, первая тюрьма...

¹ Вупперталь – город в Германии, в земле Северный Рейн-Вестфалия.

² Заксенхаузен – нацистский концентрационный лагерь, расположенный в городе Ораниенбург в Германии. Освобожден Красной армией 22 апреля 1945 г.

³ Александр-плац – центральная площадь Берлина.

⁴ Город Веймар, расположенный в федеральной земле Тюрингия.

⁵ Кобленц – город на западе Германии, в федеральной земле Рейнланд-Пфальц.

Е.Ф. Вупперталь сначала?

Вупперталь, потом нас разобрали, нас на завод. Вот привезли на этот завод в Виссене¹ <...>. По пути в Виссен в Кельн нас завезли. А потом от Кельна повезли в Виссен. Там в Виссене, значит, нас распределили на завод. Мы узнали, что там, оказывается авиазавод, снаряды [выпускают]. Вот эта Лиза, царство ей небесное, тоже умерла, мы с ней в одном цеху работали. Меня и ее туда определили. Она в лаборатории все неправильные анализы делала, сдавала, а я себе... Ой, у меня даже до сих пор все пальцы порезанные <...>. Железо, вот такой вот толщины, а там сто с лишним листочков, представляете? Или двести даже. Вот такой огромный нож, нужно ударить, и они раздаются там все. И вот, по листочку отбирать надо. И все-все перерезала. Вечно там ходил Ганс – немец, хромой такой, его и на фронт не брали. Он делал нам эти самые, перевязки. Приду, он мне пальцы все позавяжет.

Е.А. Это он жалел Вас или это его работа такая была?

Жалел, жалел, что Вы! Немец – сам хромой такой. А Лиза эта все давала анализы неверные. Все время вредили, а потом кушать ничего не давали, одну брюкву. Однажды мы собрались убежать оттуда. И пошли мы с Лизой, вышли с лагеря, это уже такой гражданский [лагерь], от завода, вышли и пошли. С самого утра вышли, ходили-ходили, пришли опять обратно на это же место. Оказывается, замкнутый круг, нас специально, где завод, все закрыто...

Е.А. Вам не разрешали выходить? Не выдавали разрешения?

Нет. Вот только вот, перевязка к arzt – это врач по-немецки, а он там в Виссене жил. И вот нам лишь бы пойти что-нибудь узнать, как там дела, где наши войска, где что. И вот там, во дворе у него груши хорошие росли. Он всегда нам по груше даст, опять поперевяжет нас там вроде бы, и по груше нам даст. А мы спрашиваем: «А где то? А где все?» А он нам потихоньку говорит. Были такие тогда немцы еще. Потом, значит, мы пришли на то же место, ладно. Нас плохо кормили, голодные уже все были, ни у кого уже ничего не было, и мы решили устроить саботаж. Я, Тоня, царство ей небесное, подбили Лизу мою. Я, Лиза и еще одна из Батайска была, она учительница была первых классов. И говорит: «Идите, обойдите бараки и скажите, что завтра, чтоб никто на работу не выходил». И все, мы пошли, сагитировали всех, и никто не вышел. Завод стоял.

Е.А. Что Вам за это было?

Что? Прислали ко мне, значит. Утром приходит переводчица, она, оказывается, сама гречанка, [учительница], а директор этого лагеря немец был. И она, значит, с ним там шуры-муры. И она говорит: «Я знаю, кто агитировал все, я вам покажу». И меня вызывают в гестапо, она рассказала все. Вызвали меня в гестапо, вместе с этой учительницей. И она стоит, на меня [показывает]. Я на нее смотрю. Она: «Герр комендант...». И начинает опять [говорить]. А я-то все ж понимаю, что она говорит, по-немецки, конечно. Мы отнекивались. Она: «Да отойдите, я сама все расскажу». Эта учительница, представляете? Продажная тоже. Все это я вытерпела, посадили меня на ночь. Да, но она говорит: «Не одна была, а с ней еще было двое». Я их не выдала, когда я вернулась в Ростов, они когда узнали, я в поликлинике была, и когда узнали, что я живая, так вообще со мной до конца своей жизни дружили, все такие хорошие.

И вот меня посадили в подвал, там был немец, охранник, старикашка, старенький-старенький немец. И все. И я говорю: «Что тут делать». Он говорит: «Тамара, морген фрю», завтра утром за тобой придут. Думаю, что будет, то и будет, все. А он дал мне чесночка кусочек, кусок хлебushка дал, до утра дожить. И все, а утром, пришли, начали меня опять вызвали в гестапо, опять начали орать, кричать. Я дурочкой притворилась, ничего не знаю, ничего не вижу <...>. Встает наш русский, который там, в Германии служит и говорит всему бараку: «Вот смотрите, видите ее последний раз! Я ее загоню туда, куда Макар телят не гонял». А кто это знал? Мы это не знали, что это означает.

И повез меня на машине, я думаю, может в другой лагерь какой-то определит? Или на другой завод или еще-что. А он везет и везет. И вот начал возить, по всем тюрьмам, последняя была Берлинская тюрьма. И помню, когда из Берлина уже выводили всех. И смотрю, одна машина, ну, думаю, точно душегубка. Ну, думаю, все уже, чего ж. Смотрю, там еще две женщины сидят, нерусские, одна француженка, другая бельгийка, и я там,

¹ Виссен— город в Германии, в земле Рейнланд-Пфальц.

и меня туда. И в темноте повезли, мы не видим, не имеем права разговаривать. Только поняли, что: “Russisch”?¹ Она мне так показывает. Привезли, называется waschraum², наголо раздевают, вещи все забрали. У меня такие волосы были, на фотографии (*показывает*), косы у меня были – все остригли. И вот, они обстригли все косы, лысая, вещи все забрали, ужас какой, раздели наголо и в душ. Сначала горячая вода, кипяток, потом холодная, потом опять горячая, а потом: «Выходите!» Не через двери, а в окно вылазьте, а там за окном плац, где строятся все. Новая партия приехала, весь лагерь поднимают, когда новая партия приехала. Полосатую [робу] дали. Встала и все. И с тех пор, я знаю свой номер 17123. Больше я никто.

Е.А. А нашивали на форму еще что-то, кроме номера?

Ну, кто хотел, что делали, чтобы были пометки какие-то. У меня тоже тут что-то [было нашито], но я быстро это дело, как приехала в Ростов, сразу все убрала.

Е.А. Красный треугольник?

Не, треугольники – это у меня на платье были...

Е.А. Привезли Вас мыться в Равенсбрюк?

Привезли в Равенсбрюк, раздели все, начали, показали тридцать второй барак, тут значит, четвертая полка моя, и все, после этого началась жизнь. Утром желудевый кофе, из желудей хлебешек <...>. Это так называемый хлеб, там всякий и отбросы всякие. В общем, это не хлеб, это убожество. И все. Носилки, и мы на носилках. Все время мы мостим одну и ту же дорогу. И в концлагере мостим те же дорожки, по которым мы ходим. Разбираем утром и сначала. Потом, крематорий надо было увеличить.

Е.Ф. Зачем вот это делалось чтоб мостить одну и ту же дорогу, расскажите.

А как зачем? Чтоб издеваться, многие умирали, не выдерживали. И туберкулез у многих был. Вот, привезли, вот сейчас я вам озеро покажу, когда к этому озеру привезли кирпичи, крематорий достраивать, мало места уже стало. И нас поставили в шеренгу, на мостик. Какой мостик? Обыкновенная доска, с берега, туда вот кирпичи передают, а мы друг другу передаем кирпичи, а они туда. В концлагере же строят крематорий. Передавали кирпичи, а девочка, которая слабенькая была, раз – в воду и упала, только руку протянула – бац, по руке тебе. Упала, значит все, умерла, спасти нельзя.

Самое, конечно, весомое было, как я на заводе вытащила такую запчасть, что убер-мастер³. Собрали всех убер-мастеров этих, все туалеты прошарили, где только не просмотрели, где только можно проверили и не смогли найти, завод стоял. Ни одной детали не выпустили авиационной, а там мастер был коммунист немецкий. Подошел, говорит: «Хорошо, не найдут».

Е.А. Это в Равенсбрюке Вас отправили работать?

Да, в Равенсбрюке, на работу. А что я, должна была на немцев работать? У нас, между прочим, хочу сказать, все-таки наши русские люди молодцы. Но все ж такие предательницы, как эта [учительница] с Батайска. Я ее встретила, когда война закончилась, на [переулке] Крепостном. Она на меня: «Тамара, ты живая, прости меня». А я так посмотрела на нее, говорю: «Бог тебя простит». Дело в том, что она в скорости умерла, у нее туберкулез был. А Мирка, гречанка, которая меня выдала первая, ее в Ростове [нашли], ей дали 25 лет [тюрьмы]. Но она же с начальником тюрьмы и там жила, и ей скостили срок, ее отпустили. И когда Лиза меня встретили с Тоней: «Тамара, а ты знаешь, что мы Мирку видели? Мы когда ее увидели в трамвае...». Лиза кондуктором в трамвае стала работать, жить надо было чем-то. И как ее увидела, как набросилась на нее, а она: «Остановите трамвай». А она, Лиза говорит: «Фашистка это». В общем, та вырвалась, убежала.

Мне говорят ребята, когда меня забрали в концлагерь, а рядом военнопленные были, они на заводе работали: «А где Тамара? Тамару забрали?». Они Мирку так отлушили, так побили, у нее, который был военнопленный, Тоня говорит, приходил к нам в барак набойки набивать на этот, но на самом деле пришел не набойки набивать, а Мирку убить. Он только что не убил ее, он думал, что убил. Вот, а он ее не убил, а она, видишь, живая, сволочь, осталась.

¹ Нем. – «русская».

² Н. – «умывальная».

³ Возможно, речь идет об одном из главных мастеров.

Е.А. Вы приехали, Вас искупали, отрезали волосы, в барак привели...

Ой, да, да. И в барак привели, и каждый день одно и то же, одно и то же.

Е.А. Построения...

Дорогу строить, опять разбирать, опять давай, то кирпичи выгружать. Ничего путевого. Только там бельгийкам, еще кому-то там, пошивочная мастерская была, они там, их там держали, русским этого не давали ничего.

Е.А. Но в какой-то год Вас отправили работать на завод.

Ну вот на этом заводе я и вытащила [деталь]. Думаю, все равно сделаю.

Е.Ф. Это где было?

<...> Фельтен¹. Я такая довольная была, я целый день не ела. А я знаете, такой там винтик вытащила, я в таком была азарте, что его вытащила, что выбросила его в туалет. Ну пускай попробуют найти, там военнопленных три смены работало, потом мы. Откуда они знают [кто сломал]?

Е.Ф. Вас не нашли?

Не, кто меня найдет, вы что? Во-первых, никто и не знает, я на этой машине работала, а другие на других машинах. Откуда они узнают? Это потом они поняли, когда конец уже смены, что нет, того, что последняя должна быть деталь заканчивать, а их нет и все.

Е.Ф. Как наказали?

Никак не наказали, завод остановился, эта смена не работала. Работали французы в смене, потом другие работали, потом мы работали, а к какой смене – никто не знает. День и ночь работали.

Е.А. Тамара Дмитриевна, какой распорядок дня в Равенсбрюке был?

Да какой распорядок? Вот в 6 утра встанешь, "Aufstehen!", и все. И не знаешь, когда, уже в барак загонят. Целый день, да, целый день. Потом меня вызывают, смотрят. На молодых можно эксперименты делать. Вот, например, смотрят, когда стоишь в строю, то туда, то сюда, спрашивают: "Wer ist krank" – кто болит? «Нет, нет», – все говорят. Кто скажет, что болит что-то? Никто не скажет. Ну и все. И вот зовет однажды блоковая меня: «Значит, 17123 вызывает "revisionstube"»². А я так ее боялась, "revisionstube", где делают эти операции и где делают эксперименты³. Особенно полякам там страшное делали: на суставы прививали рак там и вообще. Думаю: «Ну, все». Пришла туда, они меня сажают в [стоматологическое] кресло, а я еще никогда в жизни у зубного [врача] не была. Но вижу, что там сидят какие-то военнопленные. Посадили меня. Я все молчала везде. Потом смотрю, подходит ко мне врач, тоже все молчком: «Открой рот». Вырвали у меня зуб.

Е.А. Здоровый?

Да. Вот на этой стороне (*показывает*). Никаких [обезболиваний]. Я не знаю, что такое укол, я вообще не знала, что такое. 16 лет уже мне было, уколы там делали, я ничего не делала. Я ничего этого не знала. Вырвал у меня зуб, я смотрю – у меня кровь потекла. Я молчу, сижу, думаю, так, значит, надо. А то скажу что-нибудь, еще хуже сделают. Я ж боялась этот «ривер». Все, вату положил мне и: "Raus". "Raus" – уходи, значит. Я пошла, прихожу в барак, они мне: «Да тебе зуб вытащили». Я говорю: «Да вы что? – Да!» Такое состояние, что даже боли не помню.

Е.А. Не поняли ничего...

Вот с машиной этой, из которой я винтик вытащила, это я вот правильно сделала, а до этого я всегда пушу на холостую. Подходит *авзевка*⁴, она что знает, как она там идет? Работает там все, она подходит, посмотрит, все: «Гуд, гуд, гуд». А я однажды так спать захотела, но не все же мне [работать] ... голодная еще, и за машинку, она-то тепленькая там, и я так вот просунулась там и задремала. И заснула, а она ж ходит проверять, чтоб машина работает, завод делает же детали. И подошла ко мне, как треснет меня по лицу: "Aufstehen!".

¹ Фельтен – город в Германии, в земле Бранденбург.

² Нем. – «ревизионная комната». Возможно, речь идет о Ревире (от нем. Revier – лазарет).

³ Равенсбрюк был одним из лагерей, где проводили медицинские эксперименты на узниках. Особое место в истории Равенсбрюка занимали опыты по изучению роли сульфонамидов при лечении газовой гангрены и операции по стерилизации женщин, проводившиеся К. Клаубергом и Х. Шуманом в начале 1945 г. (Аристов, 2010: 113-124).

⁴ От Aufseher (надсмотрщик).

«Ты что, – говорит, – спишь?» А я думаю: ну, ладно, я ж на холостую пустила, а она ж не знает, на холостую идет, или нет. А я пустила на холостую, и подремать легла, на машину легла сзади. Вот, она меня ударила, я смолчала, думаю: «Ну ничего, потом я тебя вытащу, никто не найдет» <...>.

Утром встаешь, не знаешь, когда тебя вызовут, и куда тебя поведут. Вот, вот это озеро, сюда пепел сбрасывали (*показывает фото*). Вот памятник узникам на [улице] Пушкинской¹, мы ходим к нему каждый год 11 апреля. А в этом году уже Людмила [Муратова] умерла, Светлана умерла, которая вела все это. Потом еще Маша умерла, татарка Маша, тоже всегда ходила и еще кто-то, все поумирали, а меня никто одну не повезет. <...>. А это немцы приезжали, нам марки привезли, это мы в гостинице встречались на Буденновском [проспекте], по 200 марок нам привезли². Так нужно было всегда, то внукам, то детям (*смеется*). А это нам немцы давали путевку, и мы ездили. «Куда вы хотите поехать?». А куда? Мы же старые, на Черное море. (*Смеется*) Мы ездили туда <...>.

Е.Ф. Как Вам удалось спастись?

<...> Значит так, мы сбежали с «марша смерти»³, 3 человека <...>. Нам Валя, она была комсомолка, учительница, из Запорожья, помню, была, говорит: «Девчата, кто может, у кого есть силы – бегите, сейчас мы там организуем панику, а вы давайте в это время, кто может, у кого силы есть – бегите». Одна, Мария с Украины, говорит: «Ты побежишь? – Я побегу!». Вот, потом еще одна, из города Шахт⁴ Маша Журавлева, худенькая, такая хорошенькая, она в балетной школе училась, хрупкая такая, маленькая. И говорит: «Я побегу тоже». И мы втроем, только там шум, стрельба началась, мы как рванули в лес, тогда зелени не было, но леса густые, что стояли эти стволы, мы прижались к ним и стоим. Крик, шум. Маша с Украины говорит: «Ой, Тамара, давай вернемся, там наших убивать будут! А нас и там убьют. Нет, нет, все! – Куда? – В обратную сторону идем, откуда нас ввели, туда давай и будем идти. Нас ведь ввели оттуда, туда мы и должны вернуться».

И мы шли, ночью <...> шли. Дежурили по ночам там немцы, все спрашивали: «Куда вы идете? А где ваш фюрер?». «Фюрер – это как наш руководитель. «Да он там, впереди». Они даже не знали, что рядом с ними концлагерь был. Фрида⁵ вот не знала, что рядом с ней был концлагерь <...>. И вот и все, и так вот мы шли, шли потихонечку, то то, то это, то от того отбремся. И потихоньку приходим, уже ночью, это же апрель был! Уже 24 апреля. Темно, одно поле, и стоит там сарай деревянный, и больше никого нет. Попрытались все немцы, все они боялись, что наши все их изнасилуют, русские изнасилуют немцев всех, и то, и то. Все прятались.

И я говорю: «Девчата, что делать?». Легли мы на животы в этом поле. Говорю: «Вон, видите, домик стоит, там, наверное, хозяин живет или что? Я пойду!». Я поползла. Я не ходила, я ползала. Поползла туда. Смотрю, там курятник стоит, и там какие-то строения. Но нам же надо где-то скрыться, утро наступит, мы же в поле стоим. Я, значит, посмотрела, вот я не знаю, мне всегда так судьба помогала или что, зашла я в курятник – ни одна курица не шумела, ну ничего! Пропла, посмотрела курятник, хорошо. Я оттуда вышла потихоньку, пошла обратно. Они меня ждали, на поле лежали. Я говорю: «Давайте по одной в этом курятнике спрячемся». Вот, и начали туда ползти – одна, вторая, третья.

Утро, уже рассветать стало, смотрю, приходит [женщина]. Оказывается, украинская домработница, такая пышная, красивая. Смотрит на нас. Я ей показываю: «Тихо, молчи!»

¹ Памятник политическим жертвам концлагерей установлен на пересечении улицы Пушкинской и переулка Университетского в 2005 г. Инициатором установки стала руководительница Ростовской ассоциации бывших узников фашистских концентрационных лагерей Людмила Степановна Муратова. Памятник представляет собой полосатую шпалу, к которой крепится колючая проволока – такие ограждали концлагеря. Надпись гласит: «Мы вас помним. Политическим жертвам концлагерей».

² С 1990-х гг. до середины 2000-х гг. Германия выплачивала компенсации бывшим советским гражданам, привлекавшимся к принудительному труду.

³ Весной 1945 г. узников из нацистских концентрационных лагерей по мере приближения к ним войск союзников перемещали в лагеря внутри Германии. Часть расстояния узники преодолевали пешком. Во время этих переходов многие узники погибли от усталости, голода и жестокости конвоиров.

⁴ Шахты – город в Ростовской области.

⁵ Женщина, которая спасла Т.Д. Ищенко.

Она курятник закрыла: «Вы русские? – Да, русские, да мы убежали... – С этого этапа? – Да, да, да! – Все, сидите здесь, сейчас я принесу вам другую одежду, будете выходить отсюда». Мы сидим в курятнике, и она, там у них бауэр этот, хозяин, все дома, а она по одной [вещи], выходила, выносила. А нас ведь в полосатых [робах] не стали гнать, а дали нам с убитых одежду. Вот, убили кого-то. Мне досталось черное платье. И всем, кому досталось, крест делали из краски масляной на спине¹. И она говорит: «Снимайте с себя. – Ну как же снять. – Одевайте все сверху». И она говорит: «Маша, тебя вот этот заберет, я сказала уже, хозяин сказал, иди через два дома, зайдешь в тот дом. Так, Тамара, ты сейчас выходи на этот, на поле и стой, там тебе вдаль покажется женщина, как поднимет руку – сразу к ней иди, не спрашивай, иди прямо к ней». Я выхожу, действительно, смотрю – Фрида. Я ж не знаю, что это Фрида, и она вот так вот, руку подняла, и я как будто ее сто лет знаю – и пошла к ней. А сама, как былинка все равно. Пришла к ней, она меня раздела, сняла, сожгла эту одежду всю, одела меня во все немецкое, в хорошую одежду, накрутила мне волосы, искупала меня, уложила на пуховую постель спать. Я, конечно, не спала, я думала, наверное, меня убьют завтра, у них же расквартированные немцы везде были, как у нас в Ростове же расквартированные, и там так. Думаю: «Что ж это такое творится? Наверное, меня убьют, вот и мне на пуховой подушке, первый раз одеяло, все белоснежное». Я не спала всю ночь, а она говорит: «Тамара, не волнуйся, тебя никто не тронет». Ну, она мне говорила по-немецки: «Все, лежи тут». На второй этаж меня отвела. А я говорю: «Нет, Фрида, я с ней буду спать на первом этаже». А она тут, на моей кровати она. Я в ее кровати, взяла, укрылась там все, а сама все ж подслушиваю, как войска какие уходят, куда немцы эти деваются. Они стали собираться, собирать все эти орудия.

А мне же это все нужно знать, я же это все должна наблюдать это все, а потом, раз, одеялом накроюсь, как вроде я сплю. Смотрю, как с меня одеяло сорвал, смотрю немец, офицер стоит. Говорит: “Russisch?” (русская). По-русски говорит дальше: «Завтра ваши будут!». Одеяло на меня вот так вот набросил. Я говорю: “Nicht verstehe!”². А он говорит: “Verstehen”³. И все. И утром я вижу – первый наш солдатик едет на велосипеде, на немецком, наверное, трофейном, автомат у него тут, в запыленных сапогах, ну точно, никогда не забуду. Первый раз я увидела, что погоны стали у них, погоны появились⁴. А перед этим, когда этот немец уехал, Фрида говорит: «Тамара, все уже уехали». Все немцы побросали все, все уехали. А я говорю: «Я буду стоять на улице, ждать наших».

Вышла и стою, ни души, все попрятались, а Фрида трясется с перепуга вся, а я говорю: «Я буду стоять». И стою, жду. Думаю, сейчас наши войска [подойдут]. Смотрю, первый парень разведчик едет. Раз, остановился, около меня: «Хоть ты и по-немецки одета, но ты русская. – А как ты узнал? – Ну как же! Так, кто тебя тут обижал. – Никто меня тут не обижал, меня спасла эта немка. – Какая? – Так и так. – Ну, покажи!» Выходит, знаешь, такой. Такие взрослые ребята в 21 год, знаешь, как будто они всю жизнь прожили, войну прошли. И вот входим в, этот самый, я вхожу, говорю: «Фрида! – Что случилось? – Да ничего». Он говорит: «Вот эта? – Да». И говорю, что это Фрида, так и так, все ему рассказала, она стоит, трясется, зуб на зуб [не попадает], она боится вот это все, понимаете. Он говорит: «Вот скажи ей, что она молодец, спасибо ей». А эти девочки, потом Фрида спрашивала, Мария пожила там и ушла от хозяина, а та, третья, вообще куда-то подалась – неизвестно куда. И Фрида говорит: «Тамара, все тебя только и вспоминают в деревне». Когда я приезжаю, вся деревня собирается, все наряжаются и приходят, собираются все. Вот солдатики (*показывает на фото*). Это Фрида меня в часть [привела], когда я прилетела [в Германию]⁵.

Е.Ф. А в каком году это было?

В [19]67 г. А это я пошла в концлагерь. «Ой, Тамара, не хочу я смотреть – Пойдем, мемориальная камера у нас там есть. Все сохранилось, посмотри, как что». Она в ужасе

¹ Таким способом помечали узниц, которых готовили к «маршу смерти».

² Нем. – «Не понимаю».

³ Нем. – «Понимаешь».

⁴ В январе 1943 г. в Красной армии были введены погоны.

⁵ Речь идет об одной из поездок в Германию, когда она встретила Фриду. Вместе они посещали одну из советских военных частей в Германской Демократической Республике.

вообще. А это солдатики наши, говорят: «Мы на экскурсию». Я купила эта книжечку, они меня просили подписать, я писала: «Мордовцева». Вот я им все рассказывала, показывала. Вот стена, где наши русские захоронены, мемориальная стена. Вот солдатик руку ей жмет, а Фриде тогда было 45 лет, по-моему, или 47 [лет]. Красивая немка такая. А вот домик, где Фрида стояла на пороге и подняла руку, и я в этот домик пришла. А вот Шарлота, которая сказала: «Если у меня будет дочка – я назову ее Тамарой». А вот эта дочка Шарлотты, ее Тамарой зовут.

Е.А. А это как случилось, что в честь Вас немку назвали?

Ну, Шарлота, ей было 12 лет, а мне уже было 18 [лет]. И я у Фриды ж еще была, она ж мне врача вызывала, меня потихонечку откормили, пока я в себя пришла. А она ко мне все время, к Фриде приходила и знала, что я русская и мне по-русски говорит, она мне по-немецки, я ей по-русски. А потом она говорит, в газете даже написали: «Ой, ты мне так нравишься, как будто мне дочка, что я обязательно назову ее Тамарой». И она назвала: «У меня 2 сына и третья дочка Тамара» <...>.

Е.А. Были какие-то выплаты от Германии за то, что Вы работали?

А как же. Выплаты, рады, что были, все быстренько потратили, тут дети...

Е.А. В каком году было?

Когда нам начали платить? В [19]91 г. У меня же там записано, удостоверение мое, где, давайте посмотрю (*Ищут удостоверение*). <...> Вот у меня удостоверение. Вот с этого года и начали деньги давать.

Е.А. Сколько Вам выдали денег?

Ну, последний раз две тысячи с чем-то евро.

Е.А. И сколько раз всего выдали?

А там по 200, по 100, по 200 [евро].

Е.А. Для того, чтобы Вам выплатили эти деньги, Вы куда-то обращались?

Нет, это немцы нам [сами оформили].

Е.А. А как они узнали?

Как узнали? Они знали, что мы бесплатно работали.

Е.А. То есть, по их архивам нашли?

Да, да, да.

Е.А. Вы сами никуда не обращались?

Да Вы что! Куда б мы еще обратились? [19]93 г. там написано в удостоверении?

Е.Ф. А как отличались советские гражданки от европейских женщин в лагере?

В лагере – нет. Ну, просто по языку узнавали.

Е.Ф. То есть, условия содержания были абсолютно одинаковые.

Абсолютно одинаковые.

Е.Ф. А в трудовом? Или трудовом только наши были?

А в трудовом я не была. Я говорю, что я в лагере месяц, и через месяц меня в концлагерь отправили.

Е.Ф. То есть в Равенсбрюке все в одинаковых условиях были, что бельгийки, что француженки?

Да, француженки, польки, в основном.

Е.А. Но у Вас отдельный барак был?

Да, барак русских – тридцать второй. Там русские, украинцы. Все одинаково. Единственная разница какая? Полякам и французам Красный крест присылал посылки, а нам никто. Сталин же отказался. Сталин же вообще сказал, что у него нет [военнопленных].

Е.А. Кого больше было в лагере: поляков или французов?

В общем, погибло 97 тысяч или 93 тысячи [человек]. Я по своему лагерю знаю, как я там была в последний раз, это поляки – их больше всех лупили, больше всех их уничтожали. Евреев и их.

Е.А. Вы рассказывали, что эксперименты над узниками проводились...

Зуб вытащили у меня, а у других ноги. Вот, идешь, смотришь – у нее нога завязанная, ходит перевязанная. Операции там делали, практиковались, лекарства вводили, пробовали для солдат немецких.

Е.А. И из советского барака на опыты тоже водили?

С нашего советского, где я лично в бараке была, у меня такого не было. Наши голодные, холодные, если оставит тебе бельгийка где-нибудь кусочек хлеба или чесночка, ну и слава Богу.

Е.Ф. Кроме Фриды, были другие немцы, которые помогали Вам на Вашем пути?

Не, не было. Фрида уже после войны, она мне всегда приглашение туда дает, 100 марок даст, то еще что-то, всегда очень жалела.

Е.Ф. С презрительным отношением сталкивались к себе со стороны немцев?

А какое презрительное отношение? Нас обзывали все время, били плетками.

Е.Ф. А как обзывали?

Ну как: “Russische schweine”¹. Или хочется хоть слово сказать, знаешь, что получишь за это, и она: “Halte den Mund”! Это «Рот закрой!»

Е.Ф. Все надзирательницы были одинаковые или между ними была разница какая-то?

Ну немцы – они своеобразные вообще-то люди.

Е.Ф. Для Вас они были все одинаковые?

Я их и не знаю вообще-то. Я знаю по своему лагерю. Я все время молчала, все. Мне вот зубы вытащили, и ладно.

Е.А. Мужчина или женщина вырывал у вас зуб?

Мужчины там практиковались. И кирпичи выгружала, и дорогу строила, и в каток запрягалась и все, а что делать. (*Листает документы*). И вот мой документ с Красного Креста, мне прислали его. Вы знаете, что сейчас к узникам пристраиваются сколько [самозванцев]? Они остарбайтеры, они у хозяина работали, они кушали, спали, ели, детей рожали от немцев, а что они пристраиваются к нам, я не понимаю, вот у них ни у кого нет такого документа, ни у кого нет. Вот с Красного креста. А я знаю, она умерла уже. Значит была со мной Анжела, она была со мной в лагере, она умерла, Анжела Берило. И Шура Авдеева, которая в Шахтах живет, в Ростове потом жила. Потому что я знаю, когда привозили транспорт, мы подходим к решеткам этим, проволокам и кричим: «Кто из Ростова? А кто из оттуда?» И все откликаются. Вот Анжела откликнулась, Шура Авдеева откликнулась, и мы так уже знали, что у нас есть тут русские, потом из военнопленных одна откликнулась там тоже, это мы знали. И нам прогоняют сразу. А после, когда мы узнали, у меня 17123, а нее семнадцать тысяч сто с лишним... или двести, это рядом со мной, как раз транспорт пришел <...>.

Е.А. Репатриация как проходила? Как Вы возвращались? Пришли наши солдаты и что было потом?

Ну, пришли наши солдаты, потом прокуроры начали ехать по квартирам, заходили. Я опять говорю: «Вот мне немка помогла». Там один из штаба говорит мне: «Вот, Тамара, ты по-немецки знаешь – приходи к нам в штаб, нам нужно, мы немцев тут берем, переводить будешь». Вот я и пошла, мне паек там давали, я Фриде кушать тоже приносила. У нее все уже харчи иссякли, все уже. И я там работала, переводила, кушать приносила. Мешок муки они дали ей, Фриде, я принесла. И вот так мы с ней переживали, и вместе жили вот так вот, потихонечку. Она очень хорошая женщина, очень.

А солдатиков наших по войсковым частям распределили, это штаб был в городе Креммен², недалеко от Фельтена, где завод был, где я винтик вытащила. Это меня пригласил туда майор, между прочим, он ростовчанин. Он как узнал, говорит: «Все, приходи ко мне работать». А я рада! Там кушать давали и с собой еще Фриде приносила. И, между прочим, когда стали домой отправлять, он приехал к Фриде, говорит: «Фрида, я Тамару домой

¹ Нем. – «русская свинья».

² Креммен – город в Германии в земле Бранденбург.

отправляю», а она так сожалела, плакала! Она бездетная, она привыкла ко мне, как к ребенку, и все. А Фрида портниха была, она мне пошила одежду красивую, пальто, у меня ж ничего не было. И он говорит: «Вот сейчас транспорт [придет], и я Тамару отправляю в Ростов». И она: «Ну, я Вам доверяю». И он меня до Белоруссии, даже нет, вот до Польши довели, а в Польше начали нас бандеровцы¹ обстреливать.

Сели мы, значит, домой ехать, погрузили нас в «Студебеккер», машина американская². Вот, значит, надо нас довести до Белоруссии, а надо Польшу проехать. А в Польше бандеровцы. И вот солдатик такой, в 19 лет, а уже как взрослые все, говорит: «Так, девчата, ложитесь все и пригнитесь». Сейчас будем проскакать бандеровскую линию. А мы еще, знаем, что бандеровцы, но что такое, чтоб стреляли? Не знаю, но в общем, полегли все. Я не помню, до сих пор, как пронеслось все. Потом стоим, что такое, все лежат. Он ходит, смеется: «Да мы уже проскочили, вставайте, что вы лежите?» Мы встали, машина вся пробитая вся насквозь, а мы живые остались <...>

Так, значит, по нам в Польше постреляли, нас вывезли в Белоруссии потом, другая машина, не этот уже шофер. В Белоруссии на какой-то еще машине и в вагоны опять, в поезд. Целый был состав, и всех – и репатриированные, и кто у хозяев работал, и кто в концлагере живой остался, всех, кто хочет, кто может, всех забирают, увозят, все. Тут же мне Фрида пошила все, я в чемодан все сложила. А потом, едем мы, с одной там [девушкой]. Она говорит: «Ты куда едешь? – Я тоже в Ростов. – Ты откуда? – Да я на Лермонтовской [улице живу]. – А я на Красноармейскую [улицу]». И мы с ней вдвоем держались все время, ехали в поезде, ехали наши русские офицеры, столько барахла везли, все вагоны забитые были. Ну пускай, они заслужили, что живы хоть остались. И домой приедут, поумирили все, и кормить нечем <...>

Е.Ф. А к Вам хорошо относились?

Хорошо, нас никто не обижал, никогда, ни за что. И вот, мы ехали, а потом мы стали бояться с этой [девушкой]. И что-то, я не знаю, забоялись. Она говорит: «Давай уйдем с этого вагона?» Но они все там выпивали, офицеры, закончилась война, конечно. «Куда же мы пойдем? – Давай на крышу!». На крышу вагона, что значит молодость дурная! И мы с ней, у нее чемодан и у меня чемодан – полезли на крышу, привязалась за эту за трубу, которая наверху, на крыше, труба, где выхлопы, завязались и чемодан туда привязали, она к одной, я к другой и легли и лежим.

Е.Ф. Больше никого на крыше не было?

Никого! Две дурочки, лежим <...>. Вот мы ехали. Вот ребята выйдут военные и говорят: «Девчата, слезайте, что вы боитесь? Идите сюда! – Да нет, нам и тут хорошо». И мы, значит, доехали до Таганрога уже на крыше. Мы половину с этими ехали, а половину на крыше. До Таганрога доехали мы <...>. Они говорят: «Ну заходите сюда в вагон». Ну мы зашли, правда, уже в вагон, все и уже никуда, как сели с ней вдвоем. И уже и не ели, и не пили, и не хотели ничего, лишь бы нам до Ростова добраться. Приехали в Ростов, трамвай четверка шла, ходила на мясокомбинат, на Лермонтовскую [улицу]. Она говорит: «Ну ладно, я встаю тут на Красноармейской [улице]». Она встала, ей туда идти, на Театральную [площадь], Красноармейскую [улицу], а мне же еще нужно квартал проехать до Лермонтовской [улицы]. Я проехала квартал до Лермонтовской [улицы] и иду с этим чемоданом. Ростов весь в зелени, причем, настолько уже благоухал, зелени уже деваться некуда было, оброс Ростов весь. Я выхожу, смотрю: «Ой, Тамара, здравствуй!» Смотрю: «А ты кто такая? – Ой, ты что, меня забыла? Я Лариса Пильшикова». Отца ее забрали, два брата у нее репрессировали, когда забирали. Говорю: «Лариса, это ты? – Ой, Тамара, иди скорее домой!». Ой, я расстроилась так, иду домой, открываю калитку, вхожу, смотрю, идет мама навстречу. Она не знала, что [я приехала]... Оказывается, моя мама ходила каждый день на вокзал, приезжали поезда, а она ходила меня встречать. А в этот день она не пошла, а я приехала. И мама во дворе меня встречает с маминой сестрой, с крестной. Смотрит, а я иду. Я говорю: «Мама». Она на меня так посмотрела. «Мам, ну это я!» Она на меня посмотрела и пошла дальше, а потом в обморок упала.

¹ Члены Организации украинских националистов во главе с С. Бандерой.

² Грузовой автомобиль, поставлявшийся в СССР по ленд-лизу.

А потом, все мне пригodiлось, что мне дали, все я продала, кукурузу купили, муки купили и кое-как вот жили.

Е.А. А что Вам дали с собой?

Ну, мне там, в войсковой части сапоги дали военные женские, Фрида мне кое-то пошила. В общем, все я привезла, все это нужно мне было, это все пригodiлось. Я все это продала, покупала же кукурузу, пшено. А я только пшено и ела после войны, суп кондер пшенный, каша тоже пшенная. Хорошо, мы так все прожили, пережили, а жизнь идет. Ну что: «Мама, я пойду работать – Иди, учись, пойди узнай, вернулось ли то твое училище?». И никто не вернулся, ни один преподаватель, никто не вернулся. Даже с кем я там училась, никого еще ни разу там не встретила, никого. Говорю маме: «Я пойду работать». И Юру содержать, что под рельсами спасся, и дядя мой родной погиб, моего отца родной брат на Курской дуге погиб, крестная одна, мамина сестра и мама. Думаю, что ж я буду сидеть на лаврах – я пошла работать, я не могла учиться. Меня звали мои одноклассники: «Тамара, иди, будешь сидеть на кафедре, ты отлично училась, и в школе и везде, ты все усвоишь, сиди». Тогда что-то платить нужно было какие-то копейки. А мне отчим не платил ничего, у мамы тоже не было. Я иду работать <...>.

Рис. 3. Значок узницы Равенсбрюка. Во время интервью был приколот на одежде Тамары Дмитриевны Ищенко. Фото Е.А. Захариной. Ростов-на-Дону, 2020

Е.Ф. Тамара Дмитриевна, а лагерь снился?

Мне сейчас только стал сниться лагерь.

Е.Ф. После войны не снился?

Нет.

Е.Ф. Забыть хотели?

Да, я совсем в другую обстановку [попала], потому что у меня полно забот: мама была, крестная, надо о них позаботиться. Тут нужно деньги было зарабатывать <...>.

Е.Ф. А когда стали рассказывать?

Когда уже замужем я была...

Е.Ф. Мужу рассказывали, или сначала тоже нет?

Нет, сначала не рассказывала, а меня и никто и не спрашивал. Я и не знаю, что я буду рассказывать.

Е.Ф. А он знал, что Вы в Германии были?

Я даже и не знаю...

Е.Ф. Вы не обсуждали с ним этот вопрос?

Нет, нет. Совсем по-другому. Встретились два человека, совсем другое дело. Я даже вообще удивляюсь. Это мне сейчас стало сниться, когда Людмила Степановна еще живая была. Я говорю: «Люда, мне опять приснился концлагерь». Что и то, и то, начинаю ей рассказывать. Она говорит: «Вот видишь, все у тебя в голове». Я долго молчала, а потом у меня все там накопилось, и все мне снилось. А тогда нет. Я рада была, что мама моя живая, что кушать есть чего. А тут Виталий Иванович, он у генерала работал шофером тогда.

Е.Ф. Это муж?

Да. Он учился и в военном училище. У генерала у Людникова¹ шофером работал <...>. А я с ним рядом жила на курсах «Выстрел».

Е.Ф. Тамара Дмитриевна, а когда ассоциация узников возникла здесь?

Это в [19]63 г.

Е.Ф. Вы в Ростове жили тогда?

Я приехала в [19]72 г.

Е.Ф. Вы в нее вступили?

Вступила, а как же.

Е.Ф. А как?

А как? Значит, у меня знакомый, который у нас в Солнечногорске был на курсах выстрелов, он зять командира полка. А его перевели в Ростов. Он в райкоме партии, вот этой, на Садовой, что у нас, где «Буревестник» кинотеатр. Ну вот он там начальником был партийным. А он знал, что, а ему я рассказывала. А там я Виталию в части рассказывала, даже там выступала, меня даже приглашали там.

Е.Ф. То есть там Вы начали впервые рассказывать?

Да, да, да.

Е.Ф. А как это произошло впервые?

А впервые, значит, книга. Мне подарили книгу. Прочитала, думаю, что ж это такое, почему у меня такой книги нет. Маленькая такая книжка, даже не помню, кто автор. Я Виталию говорю, он: «Постой, я спрошу у ребят у военных у своих». И вот, в какой-то части, знает же всех он. И меня пригласили. И я до сих пор не знаю, кто эту книжку им дал. Они: «Мы вам дарим эту книжку первую». И мне ее подарили, и у меня ее украли. Я потом стала говорить, все рассказывала, потом в школе, имени Блока, мой сын там учился. У меня газета есть там. (*Ищет газету, показывает фото, статьи*) <...>.

Е.Ф. А как Вас нашли немцы?

Я нашла. Я пришла на Главпочтамт в Москве и написала. И мне пришел ответ: «Тамара, мы твою спасительницу нашли, она живет в Берлине!».

Е.Ф. А что побудило Вас написать?

Ну, интересно ж, думаю, живая она или нет. Я вспоминала, и мама, и все знали, что Фрида меня спасла. Я пришла на Главпочтамт, по немецкому адресу написала, все, и там вложила, что я ищу Фриду, она меня спасла. И все. Газета «Дойчланд» получила и тут же мне приглашение прислали.

Е.Ф. В части о себе Вы стали рассказывать до поездки в Германию или до?

После.

Е.Ф. И потом вернулись в Ростов, в 1973 г. и нашли ассоциацию?

Муж в отставку ушел и этот, знакомый, его зять, назначен был в Ростове. И он говорит: «Тамара, а ты знаешь, что у вас тут создается ассоциация?» Я говорю: «Да? Я бы хотела б туда». Интересно, кто же живой остался. Он говорит: «Я тебя познакомлю с руководительницей» <...>. И он меня познакомил с Людмилой Степановной.

¹ Иван Ильич Людников (1902—1976) — генерал-полковник, Герой Советского Союза. Великую Отечественную войну встретил на Юго-Западном фронте, затем воевал на Южном, Северо-Кавказском, Сталинградском, Донском, Центральном, 1-м Украинском, 3-м Белорусском, Забайкальском фронтах. Под командованием И.И. Людникова 138-я стрелковая дивизия в составе 62-й армии в октябре 1942 — январе 1943 г. героически сражалась с врагом в Сталинграде.

Е.Ф. Она уже возглавляла ассоциацию тогда?

Еще не возглавляла, а только переписка была какая-то. Был Михайличенко¹, потом еще там... Женя² отказался. Ну, кому-то ж надо руководить <...>. А [Людмила Павловна Муратова], она согласилась. Она все почитала, все узнала.

Е.Ф. Сколько раз Вы были в Германии после этого?

Не знаю, сколько <...>.

Е.Ф. Изменилось ли отношение немцев после объединения Германии?

Меня встречали в ФРГ те люди, которые и в ГДР встречали.

Е.Ф. Что для Вас было самым тяжелым в Германии или в период оккупации?

Войну я видела только первый, второй раз, я вам все рассказывала, а в Германии каждый день вечно трясушка была, ждали, что вот-вот вызовут на смерть. Вот выходим на ашпель³, выгоняют ночью, мы не знаем, что с нами будут делать.

Е.Ф. Страх.

Да, все время в страхе жили. Вот он считает, вот я сорок пятая, а она сорок четвертая. Вот ее забирают в крематорий, а мы, от сорок пять, дальше, идите обратно в барак. Где грань, что тебя на следующей ашпеле не вызовут? И каждый раз трясешься, стоят, ну думаешь все уже, все. Все, наверное. В страхе бесконечном, я все время в страхе жила.

Е.Ф. Спасибо, вам, Тамара Дмитриевна!

Рис. 4. Тамара Дмитриевна Ищенко (фото из семейного архива Т.Д. Ищенко).

¹ Федор Федорович Михайличенко (1927—1993) – российский Праведник народов мира. Будучи узником в концлагере Бухенвальд, спас жизнь маленького еврейского мальчика Юрчика. Стал основателем и первым руководителем РАБАС (Ростовская ассоциация бывших узников фашистских концентрационных лагерей).

² Евгений Васильевич Моисеев – малолетний узник лагерей Штуттгоф, Маутхаузен, Гузен-1. Во время оккупации Ростова-на-Дону, был вывезен в Германию. Член РАБАС.

³ Ашпель – так называлась лагерная проверка узников в лагере, которая проходила, обычно утром и вечером.

Литература

- Аристов, 2010** – *Аристов С.В.* Женщина в концентрационном лагере Равенсбрюк: насилие и противостояние // *Диалог со временем*. 2010. № 31. С. 113–124.
- Аристов, 2012a** – *Аристов С.В.* Жизнь вопреки: стратегии выживания нацистского женского концентрационного лагеря Равенсбрюк (1939–1945 гг.). М.: Ваш Домъ, 2012. 147 с.
- Аристов 2012b** – *Аристов С.В.* Люди доброй воли. Нацистский концентрационный лагерь Равенсбрюк в судьбах бывших узниц из Советского Союза. Подольск: Изд-во Московского областного гуманитарного института (АНО ВПО «МОГИ»), 2012. 159 с.
- Бланк, Сааведра-Сантис, 2017** – Военнопленные женщины-красноармейцы в концлагере: Советские военные медики в Равенсбрюке / Сост. М. Бланк, Р. Сааведра-Сантис. Берлин: Издательство Германо-российского музея Берлин-Карлсхорст, 2017. 48 с.
- Брицкий, 1977** – *Брицкий П.П.* Интернациональный характер антифашистского сопротивления в гитлеровских концентрационных лагерях (Бухенвальд, Маутхаузен, Миттельбау-Дора): автореф. дисс ... канд. ист. наук. Киев, 1977. 26 с.
- Вахсман, 2015** – *Вахсман Н.* История нацистских концлагерей. М.: Центрполиграф, 2015. 698 с.
- Конопатченков, 2010** – *Конопатченков А.В.* Концентрационные лагеря системы Маутхаузен в нацистской Германии (1938-1945 гг.): история, структура, сопротивление: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2010. 31 с.
- Кринко, 2009** – *Кринко Е.Ф.* Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений. Сб. науч. ст. Краснодар: Изд-во «Эдарт-принт», 2009. С. 42 – 60.
- Лемещук, 1969** – *Лемещук Н.М.* Антифашистское подполье в концентрационных лагерях в годы Второй мировой войны: автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев, 1969. 25 с.
- Они победили смерть, 1959** – Они победили смерть. [Сборник воспоминаний]. М.: Госполитиздат, 1959. 225 с.
- Рыблова и др., 2015** – *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.И., Назарова М.П.* Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.
- Семиряга, 1962** – *Семиряга М.И.* Интернациональная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма (1939–1945 гг.): автореф. дисс... д-ра ист. наук. Харьков, 1962. 45 с.
- Фогель, 2018** – *Фогель Е.А.* Несовершеннолетние жертвы нацизма: постановка проблемы // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Сб. науч. ст. Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института им. А.П. Чехова, 2018. С. 191–195.
- Яковлев, 1961** – *Яковлев В.П.* Преступления. Борьба. Возмездие. Симферополь: Крымиздат, 1961. 240 с.
- Drobisch, Wieland, 1993** – *Drobisch K., Wieland G.* System der NS-Konzentrationslager 1933–1939. Berlin: Akademie Verlag, 1993. 371 p.
- Kogon, 1946** – *Kogon E.* Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München: Aufl, 1946. 425 p.
- Morrison, 2000** – *Jack G. Morrison.* Ravensbrück. Das Leben in einem Konzentrationslager für Frauen 1939–1945. Zürich: Pendo Verlag, 2000. 367 p.
- Sofsky, 1993** – *Sofsky W.* Die Ordnung des Terrors. Das Konzentrationslager. Frankfurt: Aufl, 1993. 390 p.
- Walz, 2005** – *Loretta Walz.* Und dann kommst du dahin an einem schönen Sommertag. Die Frauen von Ravensbrück. München: Kunstmann, 2005. 430 p.

References

- Aristov, 2010** – *Aristov, S.V.* (2010). Zhenshchina v koncentracionnom lagere Ravensbryuk: nasilie i protivostoyanie [Woman in Ravensbruk concentration camp: violence and confrontation]. *Dialog so vremenem*. 31: 113-124. [in Russian]
- Aristov, 2012a** – *Aristov, S.V.* (2012). Zhizn' vopreki: strategii vyzhivaniya nacistskogo zhenskogo koncentracionnogo lagerya Ravensbryuk (1939–1945 gg.) [Life against: the survival

strategies of the Nazi women's concentration camp Ravensbrück (1939-1945)]. Moscow: Vash Dom", 147 p. [in Russian]

[Aristov 2012b](#) – *Aristov, S.V.* (2012). Lyudi dobroj voli. Nacistskij koncentracionnyj lager' Ravensbryuk v sud'bah byvshih uznich iz Sovetskogo Soyuza [People of good will. Nazi concentration camp Ravensbrück in the fate of former Soviet prisoners]. Podol'sk: Izd-vo Moskovskogo oblastnogo gumanitarnogo instituta (ANO VPO "MOGI"), 159 p. [in Russian]

[Blank, Saavedra-Santis, 2017](#) – Voennoplennyye zhenshchiny-krasnoarmejsy v konclagere: Sovetskie voennyye mediki v Ravensbryuke (2017). [Red Army female prisoners in a concentration camp: Soviet military medics in Ravensbrück]. Kompl. M. Blank, R. Saavedra-Santis. Berlin: Izdatel'stvo Germano-rossijskogo muzeya Berlin-Karlskhorst, 48 p. [in Russian]

[Brickij, 1977](#) – *Brickij, P.P.* (1977). Internacional'nyj karakter antifashistskogo soprotivleniya v gitlerovskih koncentracionnyh lageryah (Buhenvall'd, Mauthauzen, Mittel'bau-Dora) [The international nature of the anti-fascist resistance in Hitler's concentration camps (Buchenwald, Mauthausen, Mittelbau Dora)]: PhD Author Abstract in History. Kievi, 26 p. [in Russian]

[Drobisch, Wieland, 1993](#) – *Drobisch, K., Wieland, G.* (1993). System der NS-Konzentrationslager 1933–1939. [System of NS concentration camps 1933-1939]. Berlin: Akademie Verlag, 371 p. [in German]

[Fogel', 2018](#) – *Fogel, E.A.* (2018). Nesovershennoletnie zherty nacizma: postanovka problem [Minor victims of Nazism: setting the problem]. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Sb. nauch. st.* Taganrog: Izd-vo Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.P. Chekhova, pp. 191-195 [in Russian]

[Kogon, 1946](#) – *Kogon, E.* (1946). Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager [The SS state. The system of German concentration camps]. München: Aufl, 425 p. [in German]

[Konopatchenkov, 2010](#) – *Konopatchenkov, A.V.* (2010). Koncentracionnyye lagerya sistemy Mauthauzen v nacistskoj Germanii (1938–1945 gg.): istoriya, struktura, soprotivlenie [Mauthausen concentration camps in Nazi Germany (1938–1945): history, structure, resistance]: PhD Author Abstract in History. Moscow, 31 p. [in Russian]

[Krinko, 2009](#) – *Krinko, E.F.* (2009). Repressirovannaya pamyat': vospominaniya nesovershennoletnih "vostochnyh rabochih" [Repressed memory: memories of underage "Eastern workers"]. *Vtoraya mirovaya vojna v pamyati pokolenij. Sb. nauch. st.* Krasnodar: Izd-vo "Edart-print", pp. 42-60 [in Russian]

[Lemeshchuk, 1969](#) – *Lemeshchuk, N.M.* (1969). Antifashistkoe podpol'e v koncentracionnyh lageryah v gody Vtoroj mirovoj vojny [The anti-fascist underground in concentration camps during the Second World War]: PhD Author Abstract in History. Kiev, 25 p. [in Russian]

[Morrison, 2000](#) – *Morrison, J.G.* (2000). Ravensbrück. Das Leben in einem Konzentrationslager für Frauen 1939–1945 [Ravensbrück. Life in a concentration camp for women 1939-1945]. Zürich: Pendo Verlag, 367 p. [in German]

[Oni pobedili smert', 1959](#) – Oni pobedili smert' (1959). [They defeated death]. [Collection of memories]. Moscow: Gospolitizdat, 225 p. [in Russian]

[Rybalova i dr, 2015](#) – *Ryblova, M.A., Krinko, E.F., Hlynina, T.P., Arhipova, E.V., Kurilla, I.I., Nazarova, M.P.* (2015). Detstvo i vojna: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy). [Childhood and war: the culture of everyday life, adaptation mechanisms and practices of child survival in the Great Patriotic War (on the materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VO RANHiGS, 336 p. [in Russian]

[Semiryaga, 1962](#) – *Semiryaga, M.I.* (1962). Internacional'naya solidarnost' trudyashchihsya v bor'be protiv fashizma (1939–1945 gg.). [International workers' solidarity in the fight against fascism (1939–1945)]. PhD Author Abstract in History. Har'kov: Akademiya nauk USSR, 45 p. [in Russian]

[Sofsky, 1993](#) – *Sofsky, W.* (1993). Die Ordnung des Terrors. Das Konzentrationslager [The order of terror. The concentration camp]. Frankfurt: Aufl, 390 p. [in German]

[Vahsman, 2015](#) – *Vahsman, N.* (2015). Istoriya nacistskih konclagerej [History of Nazi concentration camps]. Moscow: Centrpoligraf, 698 p. [in Russian]

Walz, 2005 – *Walz, L.* (2005). Und dann kommst du dahin an einem schönen Sommertag. Die Frauen von Ravensbrück [And then you get there on a beautiful summer day. The women of Ravensbrück]. München: Kunstmann, 430 p. [in German]

Yakovlev, 1961 – *Yakovlev, V.P.* (1961) Prestupleniya. Bor'ba. Vozmezdnie [Crimes. Fighting. Reimbursement]. Simferopol': Krymizdat, 240 p. [in Russian]

Интервью с Тамарой Дмитриевной Ищенко об оккупации Ростова-на-Дону и о жизни в концентрационном женском лагере Равенсбрюк

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Екатерина Александровна Захарина ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Интервью с Тамарой Дмитриевной Ищенко было посвящено ее биографии до войны, в военное и послевоенное время. До войны она училась на фармацевта в медицинском колледже в Ростове-на-Дону. В начале войны респонденту было всего пятнадцать лет. Девушка стала свидетелем событий первой и второй оккупаций Ростова-на-Дону, оказывала помощь раненым в госпитале. В своем интервью Тамара Дмитриевна рассказывает, как была угнана в Германию на принудительные работы. Респондент повествует о жизни на принудительных работах. После того, как она с другими девушками саботировала работу на заводе, ее отправили в самый крупный женский концентрационный лагерь Равенсбрюк. Там Тамаре Дмитриевне пришлось столкнуться со всеми ужасами концентрационного лагеря. После освобождения она прошла фильтрацию, и была репатриирована в родной Ростов-на-Дону. Интервью с Т.Д. Ищенко является ценным источником и свидетельством сохранения памяти о войне, оккупации и нацистском терроре в Германии и России.

Ключевые слова: Т.Д. Ищенко, Великая Отечественная война, Равенсбрюк, остарбайтеры, узники концентрационных лагерей, принудительные работы, memory studies, устная история.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: gorelowa.kat@yandex.ru (Е.А. Захарина)